

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ И ГОСУДАРСТВА: ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Руденко Н.И.¹

¹*Социологический институт РАН в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия (190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25), e-mail: nckrd@mail.ru*

В данной статье представлен анализ взаимоотношения этнографического музея и государства. Автор предлагает обратить внимание на три основных аспекта таких взаимоотношений: правовое регулирование, реализация национальной политики и участие музея в культурной политике государства. Правовые нормы определяют и регулируют как основные формы деятельности музея (сбор, хранение, исследование, публикация, обмен), так и отдельные аспекты практических реализаций данных форм. При этом часто музеи становятся жертвой бюрократического взгляда, который предлагает в качестве правовой нормы определенную модель действия, которая может не подходить под конкретные практики музея. В этом случае музейные сотрудники прибегают к личным (тактики) или институциональным (инструкции) средствам координации правовых норм и практической деятельности. Для реализации аспектов национальной политики совместно музеем и государством организуются и проводятся специальные программы, как например «Толерантность» в Санкт-Петербурге, которая финансируется государством и позволяет расширить географию экскурсий музеев. Культурная политика государства имеет целью повышение количества выставок и выставляемых экспонатов, что отражается двойственно на деятельности музея: с одной стороны, увеличивается финансирование и выставочная география, с другой стороны, уменьшаются концептуальные возможности музейных сотрудников. В целом, взаимоотношения музея и государства – это процесс переговоров и учета интересов.

Ключевые слова: этнографический музей, государство, национальная политика, культурная политика

INTERACTIONS BETWEEN ETHNOGRAPHIC MUSEUM AND THE STATE: LEGAL AND POLITICAL FACETS

Rudenko N.I.¹

¹*Sociological Institute of RAS, Saint-Petersburg, Russia (190005, Saint-Petersburg, 7-th Krasnoarmeyskaya street, 25), e-mail: nckrd@mail.ru*

This article deals with analysis of relations between ethnographic museums and the State. Author draws attention to three main facets of given relations: legal regulation, realization of nationalities policy and participation of the museum in cultural policy of the State. Legal norms define and arrange both main forms of museum activity (collecting, keeping, research, publication, exchange) as like as particular aspects of practical realization of them. Museums often become the victims of red tape policies, which offer certain model of activity which may not fit concrete museum practices. In this case museum workers employ personal (tactics) or institutional (instructions) means to coordinate legal norms and practices. For realization of nationalities policy the State and the museum arrange special cultural programs like “Tolerance” at Saint-Petersburg, which are funded by the State and give way to the museum to extend their geography of excursions. Cultural policy of the State have an aim to raise the number of exhibitions, which have an ambiguity for museum activity: on the one hand, it can raise the funding and exhibition geography, from the other hand in narrow conceptual possibility of museum workers. In sum, relations between museum and the State is the process of negotiations and consideration of mutual interests.

Keywords: ethnographic museum, state, ethno-national policy, cultural policy

В начале 2000-х и особенно 2010-х гг. в России государство начало играть большую роль в деятельности музеев: повысилось их финансирование, стали реализовываться совместные культурные программы, увеличилось количество выставок, заказываемых государством. В то же самое время повысилось и давление государства на музеи в виде требования необходимости увеличения количества выставок, выставления экспонатов,

привлечения большего количества посетителей. Отношения между государством и этнографическими музеями сложно назвать однозначными, и потому они требуют описания и понимания.

В социологии музеев существуют разнообразные мнения по поводу подобных отношений: ряд исследователей говорит о музеях как об идеологических проводниках политики государства [7], другие исследователи подчеркивают независимый характер музеев и вообще культурных учреждений [8]. На наш взгляд наиболее релевантна промежуточная позиция, позволяющая рассматривать музей и государство как двух акторов в процессе переговоров по поводу формы и содержания обоюдных форм деятельности. Для этого необходимо проанализировать всю сложность отношений, которые мы разбили на три основных составляющих: правовое регулирование, взаимодействия по поводу национальной и культурной политики государства.

Цель данной статьи – предложить анализ взаимодействия этнографического музея и государства в трех плоскостях: правовой и плоскостях национальной и культурной политики государства.

Методы и результаты

Для подобного анализа было решено взять крупный федеральный музей, который находится в постоянном интенсивном диалоге с Министерством культуры. В качестве такого музея взят Российский этнографический музей в Санкт-Петербурге, с 1902 года занимающийся собиранием, хранением, исследованием и экспонированием народов бывшей Российской империи и современной России. Основным методом исследования – это кейс-стади, предполагающий детальное изучение одного феномена в контексте с помощью нескольких качественных методов. В данном исследовании это: включенное наблюдение, полуструктурированные интервью с сотрудниками музея (общим числом - 27), а также анализ публикаций сотрудников (сборники статей, монографии) и документов музея (внутренние инструкции, протоколы заседаний).

Российский этнографический музей, как и любой другой музей на территории РФ, подчиняется своду законов, которые регулируют его деятельность и определяют его статус. Одним из главных законов, посвященных музеям, является Закон ФЗ-54 «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», принятый в 1996 году. Закон дает определение музеям и очерчивает их цели. В ст. 26 сказано, что «музеи в Российской Федерации создаются в форме учреждений для осуществления культурных, образовательных и научных функций некоммерческого характера» [3]. В ст. 27 даются главные функции музея: а) хранение музейных предметов и музейных коллекций; б) выявление и собирание музейных предметов и музейных коллекций; изучение музейных предметов и коллекций; в)

публикация музейных предметов и коллекций и осуществление просветительной и образовательной деятельности.

Другим важным законом выступает закон «О вывозе и ввозе культурных ценностей», принятый в 1993 году. Как отмечается, он направлен на защиту культурных ценностей от незаконного вывоза, ввоза и передачи прав собственности на них, а также на развитие международного культурного сотрудничества, взаимного ознакомления народов РФ и других государств с культурными ценностями друг друга. Международная выставочная деятельность российских музеев невозможна без учета правил, содержащихся в данном законе. Он определяет ряд рутин, которые опосредуют создание международных выставок. Среди них можно отметить такие, как проведение экспертизы ценностей, предоставление права и выдачи свидетельства на вывоз культурных ценностей и т.д. Этот закон также предполагает, что государство, которое принимает выставку, дает гарантии на то, что никто не сможет потребовать разбирательств по поводу прав собственности на нее. Иначе говоря, вывезенную вещь всегда можно будет привезти обратно. Однако это работает не со всеми государствами. И это влияет, в том числе, на культурные контакты России с другими странами. Скажем, в последние три года (2011 – 2014гг.). Россия не может отвезти свои выставки в США, поскольку последние не дают отмеченных выше гарантий.

Помимо названных актов можно отметить также и другие: например, Федеральной Закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», выпущенный в 1998 году. Этот закон определяет оценочную деятельность внутри музея. Она обычно производится в отношении купленного или отданного в дар предмета специалистом. Часто от оценки зависит то, будет ли вещь принята в музейный фонд, куда она именно пойдет, в основной фонд или вспомогательный (об этом смотрите в параграфе 2.9.), а также ее стоимость. Последний вопрос – определение стоимости и страхование вещи, имеет свои собственные нюансы [4].

Кроме того, порядок страхования регулируют также межведомственные правовые акты Министерства культуры РФ, такие как письма «О страховании культурных ценностей» от 25 октября 2001 года или «О порядке страхования музейных предметов», изданный в 2000-м году.

В социологии культуры (конкретно в подходе производства культуры) подчеркивается, что право и регулятивные нормы создают основные правила, которые формируют дальнейшее развитие культурных институтов [4]. Здесь классическим является пример, который приводит американская исследовательница У. Гринвольд о том, что до 1909 года авторское право в США было устроено таким образом, что издатели обязаны были платить гонорары только американским авторам. Поэтому в этот период в американской

литературе огромную роль играли англичане, которых можно было печатать, не давая им денег, что естественно сказывалось на особенностях американской литературы [9]. В отношении музеев мы можем согласиться с Петерсоном, что право определяет основные правила, по которым существует музей [8]. А поскольку РЭМ подчиняется непосредственно Министерству культуры, и имеет дело с культурными ценностями, таких правил здесь огромное количество. Некоторые из них, как мы уже отмечали, касаются общих широких явлений, определяющих, например, цели музеев. Другие посвящены узким, но не простым вопросам, как например, страхование, оценка предмета, проведение экспертизы, решение вопросов авторского права. Самое любопытное в этих нормах права то, что многие из них влияют на повседневное взаимодействие музейщиков друг с другом, с информантами и экспонатами. В то же время любая норма представляет собой большое обобщение определенной практики, то есть она не может учесть все нюансы ее осуществления. Кроме того, как замечают респонденты, чиновники, сидящие в Министерстве культуры, часто не владеют адекватным представлением о том, что такое музей, и особенно, в чем особенно его деятельности: «Сейчас вышел закон № 44, в соответствии с которым на любое действие <финансового характера> нужно проводить тендер: искать три организации, и чтобы они выиграли тендер. У меня должна поменяться фотовыставка из полевой автобиографии... фотографии отобраны, готовы, сейчас проблема сдать в печать, я буду заниматься этим конкурсом?.. есть вариант - за свои деньги напечатаю фотографии, а потом мне их оплатят по товарному чеку» (инф. 15). Иными словами, подобный закон, уместный в одном случае, где цена закупок высокая, мешает общепринятой рутинной музейной деятельности и даже созданию выставок. Другим примером такой помехи является закон, по которому для экспертизы предмета надо привлекать внешних специалистов. Другой информант отмечает: «А сейчас Москва требует внешних экспертных оценок на каждый предмет. И мы сидим и чешем, ладно на вещь, которую мы покупаем, - хороший коврик, можем найти эксперта. А в поле где я найду эксперта на приобретаемый материал?» (инф. 11). Стоит также отметить, что как в случае с первым законом (о тендере), так и со вторым, невозможность или затратность исполнения закона часто вызывает желание обойти его требования, не нарушая его напрямую. В случае с тендером, информант решил распечатать фотографии за свои деньги. Как решается проблема поиска экспертов в поле, нам не известно. Как известно, французский социолог Мишель Де Серто обращал внимание на подобные контр-действия, которые, одновременно не противоречат закону, но мягко и незаметно его обходят. Он называл такие контр-действия «тактиками» [2]. В ряде случаев, которые мы рассмотрели, тактики появляются, как отмечают информанты, из-за того, что чиновники «в Москве» не способны понять тонкостей музейной работы. Как отмечает один респондент: «Он <чиновник,

менеджер» не может ее организовывать, приглашая какие-то выставки, нельзя под одну гребенку, по одним правилам работать разным организациям, разных типов. Вот, а закон, он наоборот предусматривает, чтобы все универсально, и как выйти из этой ситуации, непонятно» (инф. 15).

Теперь перейдем к политическому контексту существования и деятельности РЭМ. Политический здесь будет означать планомерное преследование цели со стороны государства в отношении ряда вопросов, иначе говоря, это политический в смысле английского *policy*, а не *politics*.

Как отмечает Н. М. Романова, научный методист высшей квалификации РЭМа, в своей книге «Принципы показа этнографических материалов в экспозициях краеведческих музеев»: «Россия XXI века является одним из самых многонациональных государств мира, где проживает 176 самобытных народов и этнических групп, которые в своей государственной, экономической, культурно-нравственной основе призваны стать единым многонациональным российским народом» [6]. Последнее суждение о призвании народа весьма спорно, но первая мысль заслуживает внимания: действительно, такое большое количество разных народов требует от государства выработки *национальной политики*, которая смогла бы создать фундамент для бесконфликтного существования разных этнических групп, или, по крайней мере, старалась бы эти конфликты уменьшить.

Не стоит также забывать об увеличении количества мигрантов в российских городах как важной межэтнической ситуации. Это увеличение порождает ответные вызовы со стороны местных групп, что порой доходит до столкновений, как например, в Бирюлево под Москвой в сентябре 2013 года. Все это приводит к тому, что государство вырабатывает свою линию поведения по этим вопросам, например, снижает квоты на въезд для гастарбайтеров, или заставляет их учить русский язык [5]. В то же время, принятие конкретных политических мер или работа с организациями мигрантов – это лишь часть национальной политики. Другая часть предполагает использование «культурных инструментов» для управления. И одним из таких инструментов является этнографический музей [7].

Представление о том, что музей должен быть частью национальной политики, присутствует в нарративах информантов. Так, один респондент определяет роль музея следующим образом: «...лучший предлог, чтобы вылить на кого-то свое раздражение, – что форма твоего носа не похожа на ту, какую я ожидаю, и твоя форма молитвы меня оскорбляет... наша роль – поддерживать знания традиции и культуры всех 180 народов России и способствовать выработке толерантности во взглядах на жизнь» (инф. 5). Н. Романова по этому поводу выражается более формально: «Миссией музеев как культурно-просветительных идеологических учреждений является всемерное содействие населению

каждого региона в ознакомлении с национально-самобытной культурной народов России в целях формирования представления о многообразии культур и позитивных ценностных установках, обеспечивающих этническую самоидентификацию личности и одновременно усвоение норм социального поведения в многонациональном обществе во имя оптимизации межнациональных отношений» [6]. В последней мысли роль музеев расширена до формирования этнической самоидентификации и показа способов жить в толерантном обществе.

Стоит отметить, что отношения между национальной политикой, которая в 2000-е и 2010-е годы отмечена понятием толерантности, и деятельностью музея существуют не просто идеологические сцепления, но и конкретные проекты. Так, в 2001 году по инициативе вице-преьера В. И. Матвиенко была разработана программа «Развитие мировоззренческих установок толерантного сознания и поведения, профилактика ксенофобии и экстремизма», которая предусматривала разработку региональных программ по этой теме и привела к возникновению петербургской программе «Толерантность» (2006 – 2010 гг). Эта программа предусматривала задействование многих музеев Петербурга, «на базе которых были организованы различные мероприятия, в т.ч. экспозиции и выставки, акцентирующие внимание на этнокультурные аспекты» [6].

Перейдем к культурной политики государства в области музеев. В начале 2010-х гг эта политика сводится к тому, чтобы увеличивать количество выставок, которые делаются в музее и возить как можно большее их количество по России. Один из респондентов замечает: «В позапрошлом <2012> году министр культуры РФ решил, что, в общем, у нас музеи работают сами на себя и не несут разумное, доброе, вечное в массы, то есть в регионы и нужно нести это разумное, доброе вечное, и там разрядка по количеству и музей до конца года должен побывать в Абакане, Владивостоке, Южно-Сахалинске, Хабаровске, Грозном и еще где-то» (инф. 1). Более подробно эта политика министерства обсуждалась на внутренней музейной конференции в мае 2014 года, посвященной выставочной деятельности. Как отмечает модератор этой конференции, на рубеже 2011-2012 гг Министерством культуры был утвержден документ «дорожная карта развития музеев в РФ», и одно из основных положений – это интенсификация выставочного обмена между музеями. Более конкретно : центральные музеи должны увеличить прокат выставок в городах РФ (дневник наблюдения 28. 05. 2014). Интересно то, что Министерство культуры утвердило целевые показатели для выставок. Например, в 2013 году – это 36 выставок, а в 2014 – на 6 больше, уже 42 выставки в год. Важно также отметить, что данные целевые показатели привязаны к финансированию музея: иначе говоря, если музей выполняет план, он получает финансирование и

премиальные, и, наоборот, лишается определенной доли финансирования при невыполнении плана.

В общем, культурная политика государства сводится к тому, чтобы увеличить количество прокатных выставок внутри музея и в России. Такая политика, как мы видим, определяет соответствующее финансирование. Данные меры представляют собой важный контекст существования выставочной деятельности, поскольку финансирование выставок – большая тема для музея, его все время не хватает (инф. 8; инф. 15; инф. 14; инф. 6; инф. 19). Цель Министерства культуры –увеличить количество выставок, что, как отмечают информанты, не всегда влияет на их качество. Более того, здесь имеет место обратная пропорция. «<Мы> - крупный музей, всю выставочную деятельность спускает сверху министерство... это уже определяет, как бы какие будут выставки. Хорошую большую выставку серьезную с какой-то такой заумной концепцией – она требует и хороших денег и специфического оборудования. Это не всегда возможно<реализовать>, как правило, когда такой объем»(инф. 15). Интересы государственной политики здесь сталкиваются с научными интересами музейных сотрудников. Ряд информантов говорит о том, что в 2012-2014 гг государство стало требовать от музеев штамповать выставки, которые в результате получаются одинаковыми, без какого-либо концептуального оформления, а государство использует финансовое давление для выполнения плана.

В то же время данная культурная политика государства не столь однозначна. Помимо «давления» планом государство обращается также к музею для выполнения определенных заказных заданий, связанных с идеологическими или политическим целями: например, сопровождение важных событий строительством выставок, как например, создание выставки, посвященной национальным видам спорта в Казани к открытию там Универсиады (инф. 9). В 2014 году проходила выставка в Грозном: «Грозный, столица республики, сильно пострадал, был разрушен, у них нет настоящей развитой инфраструктуры... <и государство предложило>: «И давайте музей этнографии что-нибудь сделает» (инф. 13). Кроме того, государство предлагает музею строительство выставок к юбилейным датам или связанных с определенными международными отношениями. Один из информантов называет подобные выставки «датскими»: «Датские выставки – определенную дату надо осветить, выставки, в которых заинтересованы внешние партнеры, выставки, сопровождающие события в культурной жизни, вот год назад – благодаря тому, что существует договор между Ереваном и Петербургом о культурном сотрудничестве, делалась выставка, раскрывающая отражение армянской культуры у нас» (инф. 13). По сути это заказные проекты государства, но которые государство финансирует дополнительно. В то же время эти выставки дают возможность и самому музею установить контакты с важными людьми, учеными, политиками, музеями и

культурными деятелями других стран. Например, как отмечал один из респондентов, выставка, проводимая в Крыму в 2014 году, позволит музею продемонстрировать роль петербургской науки в освоении природы и изучении этнических культур этого полуострова, и здесь музей может помимо удовлетворения государственных идеологических и геополитических интересов также преследовать свои цели: расширение своей репутации (инф. 13).

Заключение

В итоге, деятельность государства представляет собой важный контекст для работы Российского этнографического музея. Все три вида деятельности, реализующиеся в правовой, национальной и культурной политике государства не только определяют основные правила поведения музея, но также способствуют выработке имособыхформ поведения, новых культурных объектов, порождению новых сетей коммуникации. В интервью музейщики никогда не ассоциируют себя с государственными органами, но, в то же время, они обязаны на них реагировать в своих планах и своей повседневной деятельности. Мы видим, что выставочная деятельность здесь в меньшей степени определяется правовыми особенностями, и в большей степени – национальной и культурной политикой государства. Нужно отметить, что и государство, в свою очередь, зависит от музеев и их выставочной деятельности, поскольку они представляют собой, как отмечает ряд исследователей, пространства репрезентации тех или иных тем и образов культур [1]. Российский этнографический музей представляет собой важную для государства организацию, когда дело доходит до репрезентаций традиции, и государство зависит от его экспертиз и выставочных возможностей.

Список литературы

1. Баранов Д.А. Этнографический музей и «рационализация системы» // Этнографическое обозрение. - 2010. - №. 4. - С. 26-43.
2. Де Серто М. Изобретение повседневности. СПб.: Издательство Европейского Университета, 2013.
3. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 26. 05. 1996 № 54-ФЗ [Текст]. Ст. 26.
4. Михайлова Е.А., Романова Н.М. Особенности определения страховой суммы и расчета страхового тарифа в страховании произведений искусства // Экспертиза, оценка и страхование музейных предметов: Вопросы теории и практики : коллективная монография / Рос. Этнограф. муз. [под ред. Н. М. Романовой]. СПб.: Нестор-история, 2010. - С. 114 – 124.

5. Мукомель В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. -Т. 20. - № 1. - С. 34 – 50.
6. Романова Н. М. Принципы показа этнографических материалов в экспозициях краеведческих музеев. СПб.: ГАМАС,2010.
7. Bennett T. Civic laboratories: museums, cultural objecthood and the governance of the social //Cultural Studies. - 2005. Vol. 19. №. 5. - P. 521-547.
8. Peterson R. A., Anand N. The production of culture perspective //Annual review of sociology. – 2004. Vol. 30. – P. 311-334.
9. Griswold W. American character and the American novel: An expansion of reflection theory in the sociology of literature // American Journal of Sociology. 1981. - Vol. 86. No. 4. - P. 740-765.

Рецензенты:

Масловский М.В., д.с.н., ведущий научный сотрудник сектора истории российской социологии, СИ РАН, г. Санкт-Петербург.

Сергеева О.В., д.с.н., ведущий научный сотрудник сектора исследований социальной структуры, СИ РАН, г. Санкт-Петербург